

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 821.512.162

DOI <https://doi.org/110.32838/2710-4656/2021.5-2/08>**Ализаде Ф. Н.**Институт литературы имени Низами Гянджеви
Национальной Академии наук Азербайджана

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Багатвікова історія азербайджанської літератури містить зразки найбагатшого творчості багатьох художників. Історія азербайджанської письмової літератури починається з творів арабомовних поетів. Пізніше сформувалася азербайджанська література перською мовою, і ці дві мови відіграли важливу роль у формуванні тенденцій і форм розвитку азербайджанської літератури. Протягом століть виникали і розвивалися різноманітні теми, рамки і форми, що визначали згодом творчий стиль художників. У статті розглядаються форми прояву традиції і новаторства в класичній поезії. У рамках традиційної азербайджанської поезії розглядаються витоки, попередники, послідовники літератури XIII–XVIII століть, традиції і новаторство азербайджанської літератури. До дослідження було залучено відомого маснаві Иззеддіна Гасаноглу «Сиратун Набі». Розглянуто такі прояви поетичної творчості зазначеного періоду, як суфізм, хамса, вихваляння краси, дидактика, та ін. Поряд із продовженням цієї традиції, в азербайджанську лірику XVIII століття були принесені деякі нововведення, в майстрів слова визначилися індивідуальні творчі шляхи, індивідуальні стилі, що дало поштовх до формування стилю «САБК-хінді» і руху поновлення починаючи з XVII століття. Особливо це яскраво проявилось у творчості основоположника реалістичного (раннього реалізму) літератури М. П. Вагіфа. Тут це оновлення привертає увагу як за змістом, так і за формою. У літературі XVIII століття чітко виділяється процес жанрового оновлення, популяризації та реалізації літературної мови, в якому змінилися стилі аруз і склад, а також їх функції. За цим оновленням стояли події, що відбувалися в соціально-політичному і літературно-культурному середовищі. Цей період був також періодом зростання національної самосвідомості.

Ключові слова: азербайджанська література XVIII століття,

Введение. Влияние арабской культуры, религии и языка долгое время было ведущим в азербайджанской литературе, стало традиционным и неоднократно проявлялось в определенных рамках по содержанию и форме. В целом распространение в этом регионе с VII века ислама и его принятие серьезно повлияли на характер литературы. Творчество Низами Гянджеви, величайшего азербайджанского поэта персоязычной поэзии и мировой литературы в целом, способствовало формированию традиции «хамса» в поэзии месневи. Даже в наше время эта традиция постоянно обновляется, и тема «хамса» привлекает внимание своей актуальностью.

Творчество поэта XIII века Иззеддина Хасаноглу. Из доступных нам источников о первых

образцах поэзии на родном языке XIII века также становится ясно, что эти примеры фактически можно характеризовать как неотъемлемую часть исламской культуры. Творчество поэта XIII века Иззеддина Хасаноглу, особенно его известное стихотворение в стиле месневи «Сиратун Наби», привлекает внимание как одно из произведений, написанных о жизни исламского пророка. В целом традиционные рамки классической поэзии, определенные арабоязычными азербайджанскими поэтами, продолжают в поэзии на персидском языке, и лирика на родном языке формируется в соответствии с этими образцами. К тому времени, когда в литературе на родном языке появился первый образец месневи, уже были темы, сформировавшиеся на основе хамсы или вне их. У Иззеддина

Хасаноглу, первого поета XIII века, писавшего на родном языке и выросшего в рамках арабской и персоязычной культур, тема месневи была связана с историей ислама. Месневи «Сиратун-Наби», обнаруженный в Финляндии турецким ученым Сейфаддином Алтайлы и исследуемый в настоящее время, является одним из первых ценных образцов исламской тюркской литературы, а газели внутри маснави бесценны как первые образцы азербайджанской лирической поэзии. Эти газели имеют большое влияние на арабскую литературу с точки зрения формы, и они также богаты тюркскими элементами с точки зрения языка и стиля:

Ey yigitlär sərvi-rəvanım qandasın (о, храбрецы, пусть воспрянет мой дух, где же он?)

Gəl ki yolunda rəvan oldı rəvanım qandasın? (и станет ли ясен путь мой от того, где же он?)

Qamätügün həsrətindən bu tənüm oldı hayal (в тоске по лику твоему стенаю я)

Surätü gün firqətindən yandı canım qandasın? (душа моя горит от расставания с тобой, где же ты?)

Ey xəyalı-munisi bu qayğusu çoq könlümü? (для сердца моего той ласки ведь не будет много)

Ey vüsali can ilindən armağanım qandasın? (подарок мне судьбы твой лик прекрасный, где же он?)

Çoq səfa qıldı bəlalü könlümə ayruluğun (а расставания тоска есть тяжкий груз душе моей)

Qanı əhdin ey vəfalu mihribanım qandasın? (о, ласковая та, что кровью клялись вместе, где же ты?) [1, с. 2]

Зайствованные слова в языке газели, такие как *sərvi-rəvan*, *fəraq*, *tən*, *surət*, *firqət*, *fəğan*, *vəfa*, *bəla*, *səfa*, *əhd*, уже указывают на арабизацию азербайджанского лирического стиха с точки зрения структуры и сущности (язык, слог, строение). Но в то же время поэт пытается и успешно применяет поэтические возможности тюркского языка, используя фразу “*Gicə-gündüz yol gözədir gözlərim gözlər səni*” («Глаза мои и день, и ночь все ждут тебя»).

Хотя речь идет об азербайджанской лирике XVIII века, анализ творчества Иззеддина Гасаноглу направлен на переосмысление традиций, истоков и предшественников азербайджанской поэзии, чтобы воссоздать картину восточной, в том числе азербайджанской поэзии, вплоть до становления современного этапа. Очень важно изучить и выявить особенности развития азербайджанской поэзии до XVIII века, чтобы определить истоки указанного периода. На протяжении пяти веков становления и развития азербайджанской литературы XIII–XVIII веков появились

произведения многих художников слова, которые привлекают внимание с точки зрения сочетания традиций и новаторства.

Безусловно, литература имеет прямое отношение к истории народа, процессам, происходящим в общественно-политической и духовной жизни, и в этом плане азербайджанская литература является неотъемлемой частью общей истории нашей страны. Вторжение монголов, движение хуруфизма, характер взаимоотношений с Османской империей, подъем и падение государства Сефевидов, формирование ханств и идея единого Азербайджана всегда были важными факторами в развитии литературных жанров и течений. Хотя литература не возникала как прямая реакция на социальные события до этапа реалистического направления, религиозные учения и направления, такие как хуруфизм и суфизм, возникшие в середине века, по-прежнему находились в сфере непосредственных интересов литературы и формировали ее предмет и содержание.

Вместе с тем известно, что одно из специфических качеств средневековой литературы – избегать непосредственного участия в социальных процессах, отражать общественные проблемы в своем художественном творчестве на основе большего количества символов и аллегорий. И уже в XVIII веке азербайджанская литература стала «зеркалом» азербайджанской истории, были созданы стихи на историческую тематику, а художественные тексты даже привлекали внимание в качестве исторического источника. В предыдущие века, за исключением аллегорического произведения великого поэта Мухаммеда Физули «Бангу Баде», написанного на родном языке, литература проявляет себя как творческое явление вне исторического процесса. На протяжении веков литература традиционно выполняла только эстетическую функцию. Поэтому в азербайджанской литературной критике средневековая литература иногда считается романтическим этапом. «С XVII века в азербайджанской литературе начался новый процесс – от лирико-романтического воспевания жизни по направлению к реалистическому изображению действительности. Таким образом, азербайджанская литература в XVII веке вступила в новый этап своего развития» [2, с. 210–211].

По словам академика Исы Габиббейли, азербайджанская поэзия до XVII века развивалась в лирико-романтическом направлении, и вместо того, чтобы отражать реальный мир, в основном в рамках своей лирической традиции, отражала

религиозные темы. Естественно, что одной из главных задач средневековой восточной поэзии были также и дидактические моменты. Месневи и лирические стихи назидательного и поучительного характера составляли основное содержание как азербайджанской, так и в целом восточной литературы. Поэтому в азербайджанской литературе ведущими были такие традиции и темы, как суфизм (тасаввуф), традиция «хамса», восхваление красоты, дидактика и др.

По сути, это разделение является условным, к примеру, в традиции «хамса» дидактика, конечно же, тоже играет ведущую роль.

Особенности азербайджанской лирической поэзии XVIII века. Азербайджанская лирическая поэзия XVIII века является продолжением этих традиций, а также периодом нововведений. Средневековая традиция означает, прежде всего, продолжение творческих путей и индивидуальных стилей художников слова, сформировавших определенную литературную школу. В этом смысле особенно выделяются творческие образцы деятельности таких великих художников, как Низами, Насими, Наваи, Физули. В литературной среде, в которой они жили, и также в дальнейшем их темы и произведения всегда занимали ведущее место. Конечно, многие поэты XVIII века писали в рамках традиций Физули. «Поэты Нишат Ширвани, Ага Масих Ширвани, Ариф Ширвани, продолжившие в XVIII веке традиции литературной школы Мухаммеда Физули, постарались сохранить эти традиции, придать им новые оттенки. Если посмотреть на их работы, то видно, что они отчетливо продолжают эти традиции, то есть, по сути, являются преемниками Физули. Очевидно, что эти традиции в лирике XVIII века проявляются отдельно» [3, с. 167].

С этой точки зрения влияние Физули отчетливо ощущается в стихах Тасира Тебризи, одного из авторов, живших и творивших в XVII–XVIII веках:

Rüxsarın olan yerdə daxi gül nə üçündür (к чему цветок там, где твой лик прекрасный),

Baş vurdu xətin səbzəvi sünbül nə üçündür? (К чему там колос многоцветный?) [4, с. 50].

Разумеется, газель Мухаммеда Физули, которая начинается нижеприведенным бейтом, сыграла роль плодотворного источника для подражания поэту Тасиру Тебризи:

Könlümdəki qəmə qönçeyi-xəndanın üçündür (бутоны, что радуют меня, в то время и печалит).

Göz yaşlarım ol ləli-dürəfşanın üçündür (по жемчугу я драгоценному ведь слезы лью) [5, с. 314].

Даже в творчестве самого яркого представителя реалистической поэзии Моллы Панаха Вагифа проявляется влияние стихов Физули.

Академик Гамид Араслы назвал наследниками литературной школы Физули в VIII веке таких поэтов, как Мелали, Ариф Тебризи, Ариф Ширвани, Ага Месих Ширвани, Нишат Ширвани и др. [6].

Начиная с XVII века, наряду со становлением и укреплением традиций литературной школы Физули, в исследуемый период османская и азербайджанская поэзия, по сути, демонстрирует развитие нововведений и обновления. К примеру, здесь заметны следы стиля «сабки-хинди» и других проявлений этих новых творческих поисков в ближневосточной литературе. С указанным стилем новый этап азербайджанской литературы связывают многие исследователи: «В азербайджанской литературе, наряду с общественно-политическими реалиями возникли проистекающие из литературных и культурных процессов причины для формирования нового этапа. Прежде всего, следует отметить, что «индийский стиль», привнесенный в азербайджанскую литературу Саибом Тебризи (1601–1677), дал толчок развитию поэзии «сабки-хинди». Этот новый стиль, в котором Саиб Тебризи был особенно заметен, на самом деле было его попыткой в своих творческих поисках отойти от традиций» [2, с. 211]. В классической традиции традиция воспевания в метафорической форме широко проявляется в пышных поэтических фигурах. Вместе с тем художники, писавшие в индийском стиле, пытались выйти за рамки этих стереотипов в поисках нового творчества, создать элементы описания и воспевания, которых до них не было.

Академик Иса Габиббейли считает эту попытку отходом от традиций Физули: «Этот шаг к преодолению влияния Мухаммеда Физули приблизил азербайджанскую лирическую поэзию к жизни народа и народной литературе. Физули был художником, своим величием оставившим видный след в тюркской поэзии, индийский же стиль действительно существовал, как новое литературное явление, в литературе Ближнего Востока [2, с. 212]. Особую роль в этом мероприятии сыграл Саиб Тебризи: «Саиб Тебризи – художник-новатор, который является главной движущей силой эволюции классической романтической поэзии Азербайджана в сторону реалистической литературы» [2, с. 213]. Отметим, что сам Саиб Тебризи полностью не отступил от традиций Физули, и влияние поэта-лирика на его творчестве достаточно велико.

Мы не должны забывать, что новаторство в классической поэзии – это всегда литературное событие, которое проявляется в индивидуальных стилях художников. Однако это обновление становится масштабным литературным событием, когда тенденция к новаторству ощущается во всей литературной среде. В поэзии XVIII века такое обновление привлекло внимание как событие всего литературного мира, как по содержанию, так и по форме. «Азербайджанская литература XVII века – это период перехода от классической романтической поэзии к раннему реализму. Поэзия этого периода – первый великий поворот от романтического лиризма к художественному выражению действительности, начало нового литературного направления. Созданный в XVII веке новый тип азербайджанской литературы стал прологом к азербайджанской реалистической поэзии уже XVIII века.

Особенности реализма М.П. Вагифа. Азербайджанский реализм сформировался в литературе «переходного периода» XVII века и перешел к реалистической стадии. Несомненно, в XVII веке лиризм не сразу отделился от классической романтической традиции. И не случайно классическая романтическая традиция или литературная школа Физули постепенно утратили свою силу в литературной среде. Потому что, как и в классический период, общественно-политическая ситуация в Азербайджане в XVIII веке была нестабильной, и литература неизбежно становится неотъемлемой частью политической жизни, чтобы ловить ее пульс. Вследствие падения центрального правительства в Азербайджане, убийства Надир-шаха и разделения на ханства говорить о «литературном комфорте» становилось все труднее. Судьба азербайджанского народа и государства, конечно же, должна была вызывать беспокойство у поэтов и художников, и многие стихи на исторические темы, написанные в XVIII веке, свидетельствовали об этой напряженности и нестабильности. В XVIII веке происходил процесс обновления литературы, в том числе и с точки зрения жанра. В литературной среде частотность использования слогов *аруз* и слогов *хеджа* изменилось в пользу *хеджа*, также велась работа по популяризации литературного языка, приобретению им оттенка народного. Амин Абид упоминает о развитии слога *хеджа* в XVIII веке, а точнее в творчестве Вагифа: «В творчестве Вагифа используется всего одиннадцать слогов *везн*. Большинство из них – двустопные рифмы. Трехстопных же

очень мало. Тот факт, что одиннадцать слогов очень популярны в нашей литературной сфере в XVII и XVIII веках, является результатом движения, которое началось с Хатаи и приобрело силу и значимость с Карамом. Слог Вагифа сильно отличается от слога Хатаи и Карамы, от которых он получил навыки и умения в области классического литературного образования [7, с. 165]. В целом А. Абид высоко ценит творчество Вагифа и даже отмечает, что он по своим творческим возможностям в чем-то превосходит Шаха Исмаила Хатаи.

Алаббас Музниб отмечает, что стихи, написанные Вагифом в стиле *аруз*, не представляют собой особой ценности: «стихи, написанные в стиле *аруз*, в принципе и состоят из сравнений, украшений, аналогий, все-таки достаточно просты. Меховая шуба, брюки, борода до груди, письмо от Видади, отъезд Агабейим ага из Шуши, история Тбилиси, сентенции сына Вели – подобная тематика полностью утратила свою ценность и значение для донесения поэтических мыслей» [8, с. 72–73]. По всей видимости, исследователь считает эрудированные работы Вагифа бесполезными как по содержанию, так и по форме. Однако чем больше С. Мумтаз критикует произведения Вагифа в стиле *аруз*, тем больше он ценит его стихи в стиле *хеджа*: «Поскольку его стихи *аруз* были написаны на сухой, пустой и искусственной конструкции, он вдохновлялся торжественными, великолепными видами и указаниями дворца. То, что он писал в слоге *везн*, было для него естественным, поскольку все это исходило из языка, знаний и самосознания народа, было вдохновлено тонкой и красивой поэзией Ашуга Пери, ангелов красоты, таких как Фатима, Сафийя, Мелек и Медина» [8, с. 26]. Музниб, как и другие исследователи творчества Вагифа, превозносил национальный дух его поэзии, простоту и красоту его языка.

XVIII век стал переломным моментом между старым и новым: здесь, с одной стороны, были продолжены старые традиции, с другой стороны, социально-политические события того периода стали объектом исследования литературы. Первая тенденция все еще была сильной. В качестве примера необходимо рассмотреть следующие поэтические примеры из произведений видного поэта XVIII века Вагифа:

Ağla gözüm, ayrılırsan canandan (плачьте, глаза, ведь растаетесь с возлюбленной)

Hər kəsi ki, görsən, şikayət eylə! (так жалуйтесь всем, кого вы встретите на пути)!

Öldün getdin, bəlkə yarı görmədin, (умрешь, так ведь и не увидишь ты любовь свою)

Kəbəyi-kuyini ziyarət eylə! (и посети Каабу поскорей!) [9, с. 26].

Подтекст этого куплета, где Вагиф воспевает тревогу по близкому расставанию с возлюбленной, восходит к средневековью, когда старинный термин «Кабейи-куй» из классической поэзии был успешно применен поэтом-реалистом для изображения поэтической мысли. Поэма Вагифа «Мухаммед» – один из ярких примеров синтеза религиозных и социальных мотивов:

Qələmdə, qılıncda, sazda, sədədə (в пере, мече, и сазе, и сададе)

Vərabəri yoxdur dari-fənədə, (нет равного тебе в подлунном мире)

Mehrü məhəbbəti həddən ziyadə, (любви беззаветной так много в тебе)

Göstərir çox etiqadı Məhəmməd. (И веру беззаветную нам Мухаммед показал)

Məşhər hekayəti müşkül hekayət, (о судном дне нам повествует тяжко)

Ya həzrəti-rəsul, eylə inayət, (О, посланник Аллаха, сжался ты над нами)

Vaqifəm – qulami-şahi-vilayət, (Вагиф я, есть слуга придворной знати, падишаха)

Eylə mənə bir imdadı, Məhəmməd. (О, сжался надо мною, Мухаммед) [9, с. 21].

В творчестве Моллы Панаха Вагифа традиция Физули проявляется в нижеследующей газели, и А. Дадашзаде называет подобный пример «Физулиподобной газелью» [10, с. 95–96]:

Ey güli-xəndan, fəraqından sənin qan ağlaram. (о, райский цветник, от тоски по тебе я плачу кровью)

Eylərəm şamü səhər çaki-giriban ağlaram. (и утро встречу со свечой, я плачу ночи напролет)

Gədəli zülfün əlimdən, niçü tabə düşmüşəm, (твой локон ускользнул из рук, я покорен тобой)

Dönmüşəm bir mütə, çox halı pərişan ağlaram (я стал как статуя, и плачу от тоски)

Gəl kim ey lələ zənəxdanın kəbab etdi məni, (смотри, сгорел я до углей от пламени мака лепестков)

Od düşübdür cismimə, hərdəm yanar can, ağlaram (душа моя в огне, порой сгораю я, рыдая)

Yadıma hər bir düşəndə ol siyah kipriklərin, (как вспомню я порой ресницы черные, как стрелы)

Sanasan ki sancular bağrıma peykan, ağlaram. (и ранят наконецником своим меня, я плачу),

Yaxşı həmdəm olmasa şad olmaq olmaz, Vaqifa, (и радоваться не смогу, коль ты не будешь мне подругой)

Ağlaram, ta ömrüm olduqca firavan ağlaram. (и столько буду я рыдать, насколько век отпущен).

Как видимо, поэт-реалист, пошедший по стопам Физули, тоже изъявил желание найти себе хорошего сердечного друга и оплакивал разлуку, сгорая в ее огне.

Влияние Физули отчетливо ощущается не только в творчестве Вагифа, но и в творчестве многих, менее популярных, поэтов того периода. Академик Г. Арасли в этом отношении подчеркивает, что «литературную школу Физули в азербайджанской литературе XVIII века продолжили такие художники, как Нишат Ширвани, Махджур Ширвани, Шакир Ширвани, Ага Масих Ширвани, Асаф Ламберани, Ариф Табризи, Ариф Ширвани, Малали, и другие. А поэты Видади и Вагиф многому научились у них [6, с. 289–290]. Действительно, творчество Физули было маяком, освещавшим историю литературы после него.

С этой точки зрения можно выделить также стихи поэта с псевдонимом Рза:

Dünyada biz taleyi yoxlardanuz, (в мире этом мы судьбу свою пытаем)

Rahəti az, qəmi çoxlardanuz, (где мало покоя, и много печали)

Şişəmizi daşə çalıbdır fələk, (всевышний бросил шомпола мой на камень)

Şişə kimi könlü sınıqlardanuz. (душа моя растерзана как шомпола)

Dünyada biz bəxti zəbunlardanuz (и в мире мы живем с судьбой печальной)

Bəxti zəbun, taleyi dunlardanuz (судьба печальна, и равнодушен рок)

Taleyimiz bəddir əzəldən bizim (судьба же изначально зла ко мне)

Taleyi bəd, bəxti nikunlardanuz (судьба плоха, и счастье отвернулось)

Qismətimiz möhnətü ənduhdur (мне выпало терпеть злосчастья)

Biz qəmi ənduhi fizullardanuz (мы все по жизни счастья лишены) [10, с. 129].

Газель Физули, начинающаяся бейтом (двустипием) «*Dust bipərva, fələk birəhm, dövrən bisükun / Много страданий, а не сочувствия, враг силен, судьба сломлена*» – повлияла на вышеприведенное стихотворение, где герой жалуется на свою судьбу.

Традиция Физули также заметна в творчестве Нишата Ширвани. Нижеприведенная газель написана под влиянием поэмы «Лейли и Меджнун»:

Təzədən düşdü yenə başıma sevda-sevda, (и вновь любовь в меня вселилась)

Eşq odu qıldı məni aləmə rüsva-rüsva. (а пламени любовь ославила меня на мир весь)

Yenə bir Leyli məni eylədi Məcnun-Məcnun (опять Лейли меня в Меджнуну превратила)

Mənzilim oldu yenə dəməni səhra-səhra. (опять жилищем стала мне пустыня) [11, с. 23].

Как бы ни продолжалась классическая традиция в едином стиле, в творчестве большинства поэтов XVIII века, во всех их литературных текстах отражена тенденция к национализации. В связи с этим еще раз приведем пример из творчества Нишата Ширвани:

Ey cəfa pişə ki, ayini vəfa bilməzsən, (не оценив того, что вам на пользу, ты не оценишь также и аят)

Rahi-birahə gedib qeyri-cəfa bilməzsən (попавши на распутье, ты не познаешь пользы)

Ey ləbi ləl ki, yox mehri vəfadan xəbərin, (о губы, что рубин, ты выкуп в чем, не знаешь)

Səxt bimürvət olubsan necə daşdır cigərin?! (трусливой стала ты, и сердце твое – камень.)

Şəm tək eşqin oduna ki, məni yandırın, (сожгла меня, свече подобно, в пламени любви)

Çünkü gördün yanırım, çəkdin ətək tan durdun (увидев, что горю, ты в сторону ушла) [11, с. 36].

В то время как первые два из трех бейтов, которые мы представляем, являются образцами традиции, рифма последнего стиха является новой для традиционной поэзии и состоит из национальных слов. Хотя Ага Масих Ширвани является классическим художником слова, последователем традиций Физули, его работы также содержат высказывания и выражения из народного языка:

Könül, ixtlas tutmaq bivəfa cananə müşküldür, (душа моя, так трудно искренней быть той, что не предана тебе)

Həqiqət bilmiyəndən dağ çəkmək canə müşküldür. (так трудно победить, когда всю истину скрывают)

Yaman gün düşmənidir, yaxşı gündə yari-həmdərdin, (тот день, что труден, выпадет врагу, а день удачный милой отдаю)

Yemək namərd ilə nanünəmək mərdanə müşküldür (отведать яств мне трудно со врагом, но быть отважным надо) [11, с. 39].

В целом в лирике XVIII века попытки приблизиться к народному языку ощущались в творчестве всех поэтов.

Академик Иса Габиббейли в связи с утратой стиля *аруз* своих позиций отмечает, что «поэзия, написанная в азербайджанской литературе XVIII века в стиле *хеджа*, оставила после себя поэзию на основе *аруз*. Это был первоначальный период завершения эпохи *аруз* в азербайджанской поэзии» [2, с. 224].

Выводы и предложения. Тот факт, что с XVIII века в письменной литературе стиль *аруз* уступил место слогу, стало новым знаменательным событием в истории азербайджанской поэзии. В основе этого во всей сложности стояли факты и события, которые происходили в социально-политической и литературно-культурной среде того времени. Поскольку слоговый стиль был связан с поэтикой национальной поэзии, в XVIII веке этот стиль вышел на первый план. В целом можно сказать, что и по форме, и по содержанию этот век стал периодом широкого внедрения в поэзию национального элемента.

Список литературы:

1. Алтайлы Сейфеддин. Новая газель Гасаноглу. *Газета «Адалат»*. 2019. 16 марта. С. 13.
2. Габиббейли, И. Азербайджанская литература: концепция периодизации и этапы развития. Баку : Наука, 2019.
3. Махмудова А. Литературная школа Физули (XVI–XVIII вв.). Баку : Наука и образование, 2019. 167 с.
4. Тебризи, Т. Турецкие стихи (трансфонелитация и фотоаксимиле). Баку : Нурлан, 2011. 50 с.
5. Физули М. Сочинения. В шести томах. Том III. Баку : Восток-Запад, 2005, III т. С. 314.
6. Араслы Хамид. История азербайджанской литературы XVII–XVIII веков. Баку : Издательство АУЛ, 1956.
7. Абид Амин. Литературная история азербайджанских тюрок. Баку : Наука и образование, 2016.
8. Музниб Алабас. Избранное из азербайджанской литературы. Баку : Наука и образование, 2012.
9. Молла Панах Вагиф. Произведения. Баку : Восток-Запад, 2004.
10. Дадашзаде, А. Азербайджанская лирика XVIII века. *Статьи*. Баку : Образование, 2017.
11. Три поэта Ширвана / составитель: Азиза Джафарзаде. Баку : Гянджлик, 1976.

Alizade F. N. FEATURES OF THE MANIFESTATION OF TRADITIONS AND INNOVATIONS IN CLASSICAL AZERBAIJANI POETRY

The centuries-old history of Azerbaijani literature contains examples of the richest creativity of many artists. The history of Azerbaijani written literature begins with the works of Arabic-speaking poets. Later, Azerbaijani literature in Persian was formed, and these two languages played an important role in the formation of trends and forms of development of Azerbaijani literature. Over the centuries, various themes, frames and forms have arisen and developed, which subsequently determined the creative style of artists. This article examines the forms of manifestation of tradition and innovation in classical poetry. Within the framework of traditional Azerbaijani poetry, the sources, predecessors, followers of the literature of the 13th-18th centuries, traditions and innovation of Azerbaijani literature are considered. The well-known Masnavi Izzeddin Hasanoglu "Siratun Nabi" was involved in the research. Such manifestations of the poetic creativity of this period as Sufism, hamsa, the praise of beauty, didactics, etc. are considered the impetus for the formation of the Hindi Sabki style and the renewal movement starting from the 17th century. This was especially clearly manifested in the work of the founder of realistic (early realism) literature M.P. Vagif. Here this update draws attention in both content and form. In the literature of the 18th century, the process of genre renewal, popularization and implementation of the literary language is clearly distinguished, in which the styles of aruz and syllable, as well as their functions, have changed. Behind this update were the events that took place in the socio-political and literary-cultural environment. This period was also a period of growth in national identity.

Key words: Azerbaijani literature of the 18th century, the work of Izzeddin Hasanoglu, traditions and innovation.